Оглавление

Введение. Путаница 9

ЧАСТЬ 1. Европа в эпоху антисемитов

Глава 1. Бог, Народ, Вечность 23

Глава 2. Эмансипация и ее враги. 1880–1914 39

Глава 3. Подъем антисемитизма. 1914–1933 67

Глава 4. Мировое господство антисемитизма. 1933–1945 82

Глава 5. Послевоенный период: Европа времен холодной войны . . . 104

ЧАСТЬ 2. Война идей

Глава 6. Пролог: США, Израиль и Ближний Восток. 1940–1960-е 139

Глава 7. Новый антисемитизм? Международная арена 178

Глава 8. Слова как оружие 223

Глава 9. Самая суть вещей 251

Глава 10. В поисках неправильного слона 266

Эпилог. Что я видел собственными глазами 295

Благодарности 303

Краткий обзор дополнительной литературы 305

Примечания 311

Указатель 353

Посвящается памяти
Майкла Дэвиса
(1959–2024)

Введение
Путаница

— И все это в одном слове? — сказала задумчиво Алиса. — Не слишком ли это много для одного!

Льюис Кэрролл
Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье"[1]

Один из самых ярких примеров жизни в Третьем рейхе донес до нас Виктор Клемперер — профессор литературы, который в своих заметках стремился отразить, как менялся язык и как слова, некогда прояснявшие картину мира, теперь лишь запутывали ее. Клемперер хотел разобраться, как нацистской диктатуре удалось превратить язык в инструмент власти, но правда в том, что слова изменчивы по своей природе. Именно поэтому хорошие словари отслеживают сдвиги в их употреблении — те смысловые вариации, что появляются или исчезают по мере того, как одни выражения входят в обиход, а другие — устаревают. Подобные изменения могут застать нас врасплох, и тогда они порождают путаницу и споры. Что и подводит нас к слову, лежащему в основе этой книги[2].

В 1879 году некий немецкий памфлетист Вильгельм Марр, известный своими провокационными выступлениями, объявил о создании "Антисемитской лиги" — организации, выступавшей против предоставления евреям полных гражданских прав. Так в мгновение ока появилось абстрактное существительное — "антисемитизм". В 1910 году оно вошло в "Британскую энциклопедию", а после того, как Адольф Гитлер возвел учение в абсолют и сделал идеологической основой борьбы Германии за господство в Европе, — распространилось по всему миру. "Антисемитизм, — сказал в 1942 году историк Сало Барон, — стал мировой силой"[3].

Сегодня с антисемитизмом борются десятки стран: специальные уполномоченные отслеживают его проявления, а различные группы и комиссии призваны его искоренять. Однако при том, что в антисемитизме обвиняют кого угодно — от сторонников превосходства белой расы до Генерального секретаря ООН, — еще никогда не было меньшего согласия относительно того, что это слово все-таки значит. "Когда речь заходит об антисемитизме, многие из нас попросту не знают, о чем говорят, и с радостью в этом признаются, — отмечает историк Дэвид Фельдман. — Что же до тех, кто думает, что знает… мы по природе своей не способны прийти к единому мнению". Спорят даже о том, нужно ли ставить дефис при написании этого слова: "анти-семитизм" или "антисемитизм"? Появляются новые движения — сначала это был "анти-антисемитизм", затем возник "анти-анти-антисемитизм"[4].

Но не всегда все было так сложно. Энтони Лерман, многолетний главный редактор *Antisemitism World Report*, отчета по мировому антисемитизму, напоминает: всего полвека назад общим врагом считались ультраправые — именно их расистские стереотипы, теории заговора и отрицание Холокоста причинили столько вреда и принесли невыразимые страдания. Нынешняя же путаница началась в момент, когда борьба с этими экстремистами породила вопрос, который раньше почти никому не приходил в голову: в какой момент критика Израиля становится антисемитизмом? Насколько еврейское государство (политическое образование) важно для еврейской идентичности (этнической или религиозной) — вопрос животрепещущий, и он до сих пор остается открытым. Его горячо обсуждают как среди самих евреев, так и в рамках более широкой мировой дискуссии об Израиле и Палестине. В итоге царит всеобщая неопределенность: никто точно не знает, что можно говорить об Израиле, чтобы при этом не получить обвинение в антисемитизме. Как мы оказались в такой непростой ситуации — вот вопрос, на который пытается ответить эта книга.

Над любой дискуссией на эту тему неизбежно нависает тень нацистского геноцида, ведь систематическое изучение антисемитизма началось лишь после 1945 года. Исследование отношения к евреям проводилось в лондонском Ист-Энде еще в 1939-м, но оно не вызвало особого резонанса. Однако десять лет спустя группа эмигрантов-социологов из Колумбийского университета опубликовала свои выводы об истоках ненависти — и это породило серию бестселлеров, подтолкнувших дальнейшие изыскания. "История антисемитизма, которая до войны была уделом пары отважных первопроходцев, [ныне] привлекает внимание многих", — отметил один из авторов два десятилетия спустя. С тех пор исследования антисемитизма ушли вперед во многих дисциплинах, и без них этой книги бы попросту не существовало. Но Холокост довлеет над темой и в другом смысле — как крупный культурный феномен нашего времени. Современное понимание антисемитизма формирует не столько академическая наука, сколько некое "сознание Холокоста". XIX век описывают как время, когда люди мыслили через призму истории; в том, что касается антисемитизма, сегодня мы мыслим через призму Холокоста[5].

Широкое общественное осознание реальности "окончательного решения" пришло не сразу. Когда в 1960–1970-х годах в Европе зародились серьезные обсуждения, они поднимали вопрос переосмысления прошлого поколением, которое жило на земле, где происходили преследования, депортации и убийства военного времени. Но по мере того, как память о Холокосте распространялась по миру, история превратилась в источник общих морально-политических уроков: свидетельствовать, а не молчать; действовать, а не стоять в стороне; бороться с ненавистью и предрассудками. К концу века на эту тему были сняты десятки фильмов, выходивших каждое десятилетие. Сегодня более сорока стран учредили официальные дни памяти, а число посетителей Освенцима за последние годы выросло в четыре раза, превысив 2 мил-

лиона в год. Но не всем это нравится. “Ради всеобщего благополучия нас как евреев нам всем стоит на мгновение остановиться, — писал государственный архивариус Израиля Эвьятар Фризель, который мальчиком бежал из нацистской Германии, — и постараться взять себя в руки”[6].

Наряду с очевидной пользой появились в том числе и такие последствия, к которым один из критиков отнес рост числа “преувеличенных и ошибочных сравнений с Холокостом и нацизмом”. Распространение знаний о катастрофе привело к тому, что некоторые стали более склонны проводить тревожные параллели между настоящим и прошлым, нежели замечать существенные различия. В Израиле, где первые лидеры страны порицали упоминания слабости еврейского народа, в 1970-е годы Холокост превратился в неизбежный риторический прием — особенно в годы, когда премьер-министр Менахем Бегин, чьи родители погибли во время войны, то и дело приравнивал положение Израиля к положению евреев при нацистах. В Соединенных Штатах, где американские евреи по большей части жили в условиях процветания и безопасности, к концу столетия парадоксальным образом усилилось чувство незащищенности. Когда в 1960 году американских раввинов спросили, каким они видят будущее, последовал оптимистичный ответ: антисемитизм продолжит сходить на нет, а ближневосточный конфликт будет урегулирован к концу столетия. Исследование еврейской общины США, проведенное примерно в те же годы, показало, что Израиль и Холокост оказывают “поразительно слабое влияние на внутреннюю жизнь американского еврейского сообщества”. К концу же века они стали центральными элементами его самоидентификации, а внушительные материальные успехи сопровождались растущим чувством тревоги и принятием роли жертвы, что озадачило многих экспертов. Хотя “американская еврейская община стала образцом того, чего может достичь этническая группа, — отметил в 2002 году писатель Леон Уисельтир, —

она изобилует неточными и провокационными параллелями. Образы Холокоста повсюду”[7].

Данные социологических опросов в США показывали: никакого существенного отката в том заметном снижении антиеврейских предрассудков, которое наблюдалось на протяжении полувека, в новом тысячелетии не произошло. Когда в 2015 году многолетний глава Антидиффамационной лиги уходил в отставку, все еще говорилось о “снижении уровня антисемитизма”[8]. После окончания холодной войны в Европе действительно наблюдался всплеск предрассудков — правый национализм вернулся в массы, и в Западной Европе, особенно во Франции, синагоги, кладбища и прочие еврейские учреждения подвергались нападениям — зачастую как символы Израиля. Чаще всего преступниками оказывались либо правые экстремисты, либо молодые мусульмане[9]. Однако постоянное упоминание Холокоста исказило восприятие прошлого. Во-первых, во многих странах евреи страдали от растущей ксенофобии меньше других групп; во-вторых, ни мусульмане, ни арабы не были нацистами — так же, как ими не были сами израильтяне. “[Арабский антисемитизм] направлен прежде всего против Израиля, а не обязательно против мирового еврейства, — отмечал Йехошафат Харкаби, бывший глава израильской военной разведки. — Если точнее, именно из-за Израиля он направлен на всех остальных”[10].

И все же призраки прошлого геноцида проникли в коридоры власти и были использованы для обоснования новых политических и дипломатических обязательств. В 2004 году конгресс США потребовал от Госдепартамента отчитываться о проявлениях антиеврейских предрассудков в мире. В ответ на возражение, что другие расовые и религиозные группы могут потребовать аналогичного отношения, конгрессмен Том Лантос, переживший нацистскую оккупацию Венгрии, заявил, что “со времен Холокоста не было более пагубного явления, чем нынешняя вспышка старинной болезни анти-

семитизма". Возражения Госдепартамента были отклонены, Закон об учете актов глобального антисемитизма — принят, и на сегодняшний день более двадцати стран учредили должности, связанные с борьбой с антисемитизмом. Ни одна другая форма расовых или религиозных предрассудков не удостоилась столь масштабного международного внимания[11].

Однако это не единственные изменения, которые принес новый закон. Впервые он стал трактовать антисемитизм как явление, включающее "очернение сионизма… и призывы к насилию против Израиля". Раньше борьба с антисемитизмом и поддержка Израиля по большей части разграничивались. "Приравнивать осуждение действий Израиля в Синайской кампании к антисемитизму, — писал эксперт в 1967 году, — значит придавать термину значение, коего он никогда не имел". Для большинства американских евреев 1950-х и 1960-х годов антисемитизм был прежде всего внутренней проблемой, связанной с более широкой темой борьбы против дискриминации и предрассудков. Его международная составляющая, если таковая имелась, касалась не Ближнего Востока, а Советского Союза и Западной Германии. В свою очередь, первые израильские лидеры видели в антисемитизме проклятие диаспоры, не связанное с региональными проблемами страны. Только с 1970-х годов граждане Израиля начали все чаще воспринимать враждебность арабов как антисемитскую, и только тогда еврейские активисты США стали включать защиту Израиля в круг своих задач. Антисемитизм, который раньше оптимистично надеялись изжить с помощью просвещения, теперь рассматривался в свете Холокоста — и превратился в уникального рода ненависть. Многие наши современники удивились бы, узнав, что когда-то защита Израиля от критики не приравнивалась к борьбе с антисемитизмом[12].

Важную роль в смешении этих понятий сыграли авторитетные еврейские правозащитные организации — такие, например, как Американский еврейский комитет (*AJC*)

и Антидиффамационная лига (*ADL*). Раньше шутили, что известный сдержанностью высказываний Американский еврейский комитет предпочитает больше думать, чем действовать, — и все из-за приверженности аналитической строгости. По словам современного историка, в 1940-х годах его лозунгами были "диалог, компромисс, рациональность и исследования", а подразделение с замечательным названием "Отдел научных исследований" пользовалось большим авторитетом. Но организации меняются, и в наши напряженные времена сложно привлекать средства и вести кампании, сохраняя репутацию беспристрастных экспертов. Сегодня шутка о сдержанности комитета устарела. Более того, десять с небольшим лет назад давний эксперт по антисемитизму покинул его, заявив, что тот пожертвовал "тягой к серьезной мысли… в пользу активной произраильской пропаганды". Идя на поводу у крупных спонсоров с очевидными идеологическими установками, старые оплоты еврейского меценатства с трудом сохраняют хотя бы минимальную видимость своей принципиальной аполитичности, которая и прежде была лишь фикцией. Предвзятость некоторых выросла настолько, что критик Питер Бейнарт задался вопросом, не сбилась ли борьба с антисемитизмом с пути[13].

Отчасти проблема заключается в том, что обвинить человека или организацию в антисемитизме очень легко, и этому способствует использование таких кричащих тактик, как создание Центром Симона Визенталя "Глобальной десятки антисемитизма" — списка, в котором производители мороженого *Ben & Jerry's* однажды оказались в одном ряду с ХАМАС и Ираном[14]. А поскольку спонсоры склонны давать больше денег, когда массы напуганы, и данные о преступлениях на почве ненависти легко поддаются манипуляциям, правозащитные группы нередко любят представить ситуацию в самых мрачных тонах. "Представители Антидиффамационной лиги заявляют: антисемитизм свирепствует по всему миру", — гласил заголовок скептической статьи в еврейской

прессе полвека назад. Двадцать лет спустя историк и раввин Артур Херцберг отметил, что даже собственные данные Антидиффамационной лиги не подтверждали ее "сенсационных выводов". С тех пор мало что изменилось: исследователи организации все так же жалуются на необоснованность предупреждений, которые раздает руководство. Активизм, застывший в состоянии перманентной паники, не способен определить, чьим цифрам и оценкам можно верить. А это не идет на пользу никому — кроме, пожалуй, самих антисемитов. Как говорил главный редактор издания *The Forward*: "Называть все кризисом вредно для евреев"[15].

Более того, повышенное внимание к определению антисемитизма, характерное для последних лет, само по себе породило проблемы. Специалисты в этой области прекрасно представляют, какое это минное поле. Понятием, само название которого восходит к дискредитированной расовой теории, описывают все подряд — от предрассудков и стереотипов до чувств, настроений и законодательных норм, не говоря уже о проявлениях насилия, варьирующихся от мелких оскорблений до массовых убийств и геноцида. Это широкий спектр сам по себе, но он также подразумевает приписывание виновникам мотивов, которые зачастую неясны даже им самим, и интерпретацию контекстов, смысл которых неоднозначен. Нередко за этим скрываются сомнительные обобщения о человеческой психологии, природе социальных взаимодействий и образе "другого"[16]. Все это только мешает поиску определения. Иегуда Бауэр, израильский специалист по Холокосту, однажды назвал антисемитизм "ошибочным термином", который "вносит путаницу в исследования" и порождает "немало чуши". "Термин «антисемитизм» — ловушка и западня, в которую мы попадаем, даже зная об ее опасностях, — писал Бен Халперн. — В лучшем случае он показывает объекты нашего внимания в тусклом и искаженном свете, если вообще не вносит полную сумятицу". Халперн пытался разобраться в путанице многочисленных коннота-

ций этого понятия, но чем больше он старался, тем меньше его усилия напоминали конкретное определение[17].

Очередным подтверждением весомости этих предостережений являются действия малоизвестной организации под названием Международный альянс в память о Холокосте (*IHRA*). Ее попытка найти точное определение антисемитизма продемонстрировала, к каким проблемам может привести непродуманный подход[18]. В надежде прочертить грань, отделяющую антисемитизм от разумной критики Израиля — которая, несомненно, необходима, — эта инициатива лишь сильнее размыла ее (подробнее см. главы 9 и 10). Тем не менее определение *IHRA* приняли десятки стран, а в США на него сослался указ 2019 года, расширивший федеральную защиту от дискриминации на случаи антисемитизма. Законопроект 2023 года (H. R. 6090) даже предложил исключить использование других определений, чтобы они не "упустили многие современные проявления антисемитизма" — то есть критику Израиля. 1981 год, когда маститый ученый мог обстоятельно рассуждать на тему антисемитизма в научном журнале *Modern Judaism*, вообще не затрагивая Израиль, остался далеко позади[19].

Некоторые современные исследователи предлагают ввести разграничение между антисемитами и антисемитскими убеждениями: к первым относить людей, одержимых идеологией и самими евреями, поскольку те якобы обладают некоей властью над жизнью народов и индивидов, а ко вторым — обширный набор стереотипов и предвзятых клише о евреях, унаследованных нами из прошлого. Именно первые придумали термин "антисемитизм", часто с гордостью называли себя "антисемитами" и считались в своем кругу политическими деятелями движения, которое достигло апогея в середине XX века. Вторые же составляют часть обширного культурного собрания предрассудков и обобщений, которые встречаются во многих обществах не только в отношении евреев, но и многих других рас, вероисповеданий и этниче-

ских групп. В наше время радикальных антисемитов значительно меньше, чем в довоенный период, а политика, которую они некогда продвигали — дискриминационная и в конечном итоге убийственная, — на Западе по большей части дискредитирована. Но общество не изжило антисемитские убеждения, как не изжило оно и прочие формы нетерпимости, и откровенно расистские правые движения набирают силу по обе стороны Атлантического океана[20].

В эпоху, когда еврейские общины по всему миру вынуждены привыкать учиться или молиться под вооруженной охраной, сомнений не возникает: евреи по-прежнему входят в число групп, преследуемых просто за факт их существования. Поэтому путаница вокруг этого термина — не говоря уже о его чрезмерном употреблении, которое грозит лишить его смысла, — непременно должна потрясти любого, кто всерьез воспринимает проблему продолжающегося антисемитизма. Она не только оказывает медвежью услугу настоящим жертвам, но и помогает скрыть несправедливость и системное насилие в отношении палестинцев, поскольку подавляет политическое несогласие с действиями Израиля на оккупированных территориях. И хотя под критикой сионизма иногда скрываются антиеврейские настроения, по большей части это не так, и уж точно не на пользу израильским правительствам поощрять мысль, что любая критика их политики неизменно отражает этнические предрассудки. И — стоит ли даже упоминать? — никому, включая евреев, не станет лучше, если непрекращающаяся борьба с дискриминацией и предрассудками превратится в инструмент уничтожения автономии научных учреждений, политических свобод и самой свободы мысли.

Определений и теорий в избытке хватает в других местах. Эта книга предлагает иной подход: взглянуть на антисемитизм в историческом контексте — как на термин, который в разные времена использовался для обозначения разных явлений. Чтобы избежать недопонимания, давайте сразу про-

ясним: антисемитизм — гораздо больше, чем просто слово, а история — далеко не только язык. Разумеется, суть проблемы нельзя раскрыть исключительно через семантический анализ. Но, как заметил однажды культуролог Реймонд Уильямс, порой на волнующие нас вопросы невозможно ответить, не рассмотрев отдельные слова как самостоятельные и неотъемлемые аспекты более масштабной проблемы. А поскольку слова не существуют вне времени и места, осмысливать их нужно в соответствующем контексте. "Мы должны, если это возможно, знать дату и место их рождения, — писал викторианский филолог Ченевикс Тренч, — все этапы их последующей истории, окружение, в котором они существовали, весь путь, который прошли, и то, что привело их к той точке, в которой мы их сейчас наблюдаем". Далее следует своего рода исторический очерк. В первой части мы проследим взлет и упадок антисемитизма как преимущественно европейского политического движения. Во второй части сменим ракурс: проанализируем истоки и распространение новой концептуальной парадигмы, которая возникла в 1970-е годы в попытке рационализировать растущую критику Израиля. В первые годы нового тысячелетия это привело к международной кампании против того, что некоторые окрестили "новым антисемитизмом" — термином, который частично совпадал со старыми его трактовками, а частично противоречил им. Слово осталось тем же, но мир изменился. Цель этой книги — показать, как возникло и распространилось это понятие, чтобы помочь читателю разобраться, какую роль оно играет сегодня и на что способно повлиять в будущем. Как писал Джордж Оруэлл: "Самое худшее, что можно сделать со словами в прозе, — это сдаться на их милость"[21].

ЧАСТЬ 1
Европа в эпоху антисемитов

Глава 1
Бог, Народ, Вечность

> Как только его представили, [профессор Коэн] сказал: "Меня просили высказаться о еврейском вопросе. Господа, еврейского вопроса не существует" — и сел на место.
>
> *Дань памяти профессору Моррису Рафаэлю Коэну, учителю и философу*[1]

> Идеалистические концепции сионизма по понятным причинам неотделимы от догмы о вечном антисемитизме.
>
> Аврам Леон
> *Материалистическая концепция еврейского вопроса*"[2]

Националисты XIX века возводили идею своего Народа к глубокой древности. В борьбе за независимость греки вдохновлялись античными предками, итальянцы — Древним Римом. Немцы же выбирали между тевтонскими племенами и более благородно звучащим словом "арийцы". Именно эта псевдорасовая тяга к корням, как отмечал анонимный французский журналист вскоре после Франко-прусской войны, вдохновила новое политическое движение. "Появилась антиеврейская партия… ее назвали *антисемитской*", — писал он в 1881 году. А далее пояснял:

> Все в Германии обрастает научным лоском… Теперь, когда развитие сравнительной лингвистики познакомило массы с арийскими расами… люди узнали, что с точки зрения языка и этнологии арийцы противопоставляются семитским расам, с которыми не имеют ничего общего. Называть евреев семитами — значит подчеркивать их чужеродность, угождать модному тевтонизму и щекотать нервы нации, столь чувствительной ко всему ненемецкому[3].